

ВОЙНА ДО ИСТОРИИ

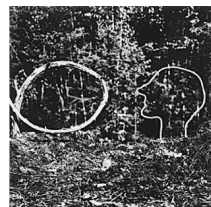
© 2016

Л.Б. Вишняцкий

Если большинство людей помнит себя с 4–5 лет, то человечество — лишь с весьма почтенного возраста, с эпохи раннего металла, когда появляются первые государственные образования и вместе с ними письменность. Письменный, иначе говоря, исторический период охватывает последние пять тысяч лет. Предшествующие ему сотни тысяч лет составляют период пре- или доисторический. Все наши знания, что происходило “до истории”, получены не благодаря сохраненной в слове человеческой памяти, не из записей, оставленных жившими тогда людьми, а либо из бессловесных источников, добытых археологами, либо из наблюдений этнографов над теми современными обществами, условия существования и способы жизнеобеспечения которых в тех или иных отношениях близки так называемым первобытным.

Из письменных источников мы знаем, что последние пять тысяч лет были временем непрерывных, не прерывавшихся ни на один год и, возможно, даже ни на один день войн, которые вспыхивали поочередно или одновременно в разных уголках ойкумены и иногда охватывали значительную ее часть, унося жизни тысяч и тысяч людей. Война — едва ли не основная тема древнейших хроник и памятных надписей, таких как надписи на палетке фараона Нармера (кон. IV тыс. до н.э.) или “стеле коршунов” из Ура (сер. III тыс. до н.э.). Самые ранние из дошедших до нас трудов историков тоже посвящены войнам — Греко-персидским (Геродот) и Пелопоннесской (Фукидид). История в узком смысле слова — говорим ли мы о периоде или о науке, его изучающей, — имеет главным своим содержанием события и процессы, так или иначе связанные с вооруженным насилием. Историческая память человечества в целом и подавляющего большинства составляющих его народов — это, прежде всего, память о войнах.

А как обстояло дело “до истории” — в каменном веке, в эпоху, не знавшую ни письменности, ни государства, ни даже

ОТКУДА И КУДА

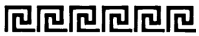

**Вишняцкий
Леонид**

Борисович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела палеолита Института истории материальной культуры РАН. В журнале “Человек” публикуется впервые.
E-mail: lvishn@yandex.ru

Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований ОИФН РАН “Евразийское наследие: новые смыслы”, проект “Археологические культуры Евразии в контексте системного анализа: новые перспективы осмысления истории по археологическим данным”.

59

земледелия и скотоводства? Воевали ли люди и тогда? Если — да, то почему? Насколько часты и кровопролитны были войны? От ответа на эти вопросы в немалой степени зависит понимание природы человека, выявление исторической динамики той роли, которую война играла в жизни общества, и в конечном счете — оценка шансов человечества на победу над ней.

Линия Гоббса и линия Руссо

Первыми к интересующей нас проблеме обратились философы Нового времени. Тогда же в подходе к ее решению намечились две линии, которые и поныне продолжают с переменным успехом конкурировать между собой. Одну из них традиционно — хотя, возможно, и не совсем справедливо — связывают с именем Гоббса, а вторую — с Руссо. Томас Гоббс в вышедшей в 1651 году книге “Левиафан” исходил из того, что естественное состояние человечества — это разобщенность и вражда, “война всех против всех”. В таком состоянии над людьми довлеют “вечный страх и постоянная опасность насильственной смерти, и жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна” [5, с. 87]. Вопреки тому, что приписывают ему многие поздние и в том числе современные авторы, Гоббс пишет здесь не о первобытном, а именно и только о естественном состоянии, имея под ним в виду состояние безвластия. Более того, он прямо говорит, что не думает, будто такое время и такая война “когда-либо существовали как общее правило по всему миру”. “Однако, — продолжает он, — есть много мест, где люди живут так и сейчас. Например, дикие племена во многих местах Америки не имеют никакого правительства, кроме власти маленьких родов-семей, внутри которых мирное сожительство обусловлено естественными вождениями, и живут они по сию пору в том животном состоянии, о котором я говорил раньше. Во всяком случае, какова была бы жизнь людей при отсутствии общей власти, внушающей страх, можно видеть из того образа жизни, до которого люди, жившие раньше под властью мирного правительства, обыкновенно опускаются во время гражданской войны” [там же, с. 88].

Нигде в книге, кроме приведенного отрывка, Гоббс не пытается больше обосновать свои рассуждения о естественном состоянии человека ссылками на так называемых “дикарей”. Не мог он опереться и на данные археологии и палеоантропологии, поскольку жил за два века до появления этих наук. Повидимому, его убеждение в неизбежности всеобщей вражды и войны в отсутствие государства сложилось, прежде всего, под влиянием личного опыта. Гоббс писал в эпоху, когда его страна Англия погрузилась в хаос: власть перешла из рук в руки, война сменялась войной, революция — революцией,

был казнен король, разразилась гражданская война, а самому философу пришлось на долгие годы покинуть родину и искать прибежища во Франции (где он и работал над “Левиафаном”).

Лишь сто с лишним лет спустя шотландец Адам Фергюсон, не упоминая имени Гоббса, спроецировал сказанное им о естественном состоянии человека на первобытность и подвел под свои рассуждения некоторую эмпирическую базу. В “Опыте истории гражданского общества” он пришел к выводу, что война была одним из главных занятий людей с незапамятных времен и что “во времена варварства человечество, жившее, как правило, мелкими объединениями, практически не прерываемо находится в состоянии межплеменной вражды” [10, с. 93].

Труд Фергюсона вышел в 1767 году, когда уже оформилась альтернативная точка зрения. О несогласии с Гоббсом в 1748 году заявил Шарль Монтескье, а несколькими годами позже — Жан-Жак Руссо. “Человек в природном состоянии, — писал Монтескье в сочинении “О духе законов”, — вначале чувствует лишь свою слабость. Он будет крайне боязлив; если бы для подтверждения этого потребовались примеры, то они уже найдены в лесах, обитаемых дикарями: все заставляет их трепетать, все обращает в бегство... Стремление нападать друг на друга чуждо таким людям; следовательно, мир является первым естественным законом человека. Гоббс неправ, когда приписывает первобытным людям желание властвовать друг над другом”. И далее: “... не следует приписывать людям, жившим до образования общества, такие стремления, которые могут возникнуть у них только после образования общества, вместе с которым у них появляются поводы для нападения и защиты” [8, с. 165–166]. Последнюю мысль в полной мере развил Руссо в работах “Рассуждение о происхождении неравенства” (1755) и “Об общественном договоре” (1762). Первобытный человек, считал он, не вел войн хотя бы потому, что воевать было не из-за чего: не существовало материальных благ, которые можно было захватить. Лишь с появлением частной собственности, разрушившей первоначаль-

Мужчина племени луритя показывает атаку со щитом и бумерангом. Фото Г. Базедова, 1920 год

ОТКУДА И КУДА

ную гармонию отношений между людьми, возникла почва для постоянных конфликтов.

Споры о том, появилась война вместе с человеком или же она представляет собой относительно позднее явление, не утихали с тех пор никогда. В позапрошлом и прошлом веках линию Гоббса в этом вопросе продолжили антропологи Э. Тайлор, Т. Ратцель и Ф. Боас, философ Ч. Спенсер, биолог Т. Гексли и многие другие выдающиеся ученые. По мнению Гексли, например, жизнь людей в первобытные времена была непрерывной борьбой друг с другом. Вне непрочных и временных рамок семейных отношений нормальным состоянием существования являлась “гоббсовская война каждого против всех” [22, р. 8]. Противоположную точку зрения, восходящую ко взглядам Руссо, развивали в числе прочих социолог Ш. Летурно, философ и революционер П.А. Кропоткин, писатель и революционер М.А. Энгельгардт, антрополог Л. Уайт. Отвергая идею о том, что война — изначальное проявление человеческой природы, некоторые исследователи стали рассматривать ее как изобретение, причём относительно позднее. Маргарет Мид даже вынесла этот тезис в заголовок своей программной статьи [26]. В крайней форме эта гипотеза была сформулирована одним из основоположников диффузионизма У. Перри, который доказывал, что войну, как и многое другое, изобрели древние египтяне, а прочие культуры заимствовали эту практику у них, пока в итоге она не распространилась по всему миру [27].

В середине и начале второй половины прошлого столетия руссоистская картина мирной первобытности казалась многим ученым если не абсолютно истинной, то, во всяком случае, более близкой к реальности, чем гоббсовский триллер о всеобщей вражде и хаосе, на которые якобы обречены люди в отсутствие государства. Широкую популярность снискало мнение, что по крайней мере до “неолитической революции”, то есть до перехода к производящему хозяйству, вооруженные конфликты между человеческими сообществами были сравнительно редки и как правило обходились без большого кровопролития, а боевые действия нередко носили ритуальный, театрализованный характер и больше походили на спортивные состязания, чем на войну. Такие взгляды преобладали примерно до начала 1980-х годов, но затем инициатива стала постепенно переходить к сторонникам противоположной точки зрения. Поворотным моментом стал выход в 1996 году книги Лоренса Кили “Война до цивилизации” [23], направленной против “пацификации доистории”. На основании анализа этнографических и, в меньшей степени, археологических данных автор пришел к выводу, что в первобытности война была обычным явлением, а процент смертности в результате вооруженных конфликтов оказывался намного выше, чем в исторический период, включая даже самые мрачные и кровавые этапы последнего.

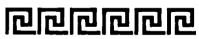
Аргументы, представленные Кили, выглядели довольно убедительно, и некоторые авторы сочли вопрос окончательно решенным. “Последние два десятилетия, — уверял своих многочисленных читателей Стивен Пинкер, — антропологи вместо того, чтобы брать на веру стереотипы о белой и пушистой первобытности, собирали данные о жизни и смерти в догосударственных обществах. Что же они обнаружили? Если коротко, то вот что: Гоббс был прав. Руссо был неправ” [29, р. 63]. С этим вердиктом, однако, согласились далеко не все, и в последние годы дискуссия вспыхнула с новой силой. Наряду с философами, социологами и этнографами в нее активно включились приматологи, изучающие поведение обезьян (особенно человекообразных) в природных условиях, и археологи.

Сегодня одни исследователи полагают, что война была обычным явлением на всем протяжении человеческой истории и доистории, доставшись нашим далеким предкам в наследство от предков животных¹, поведение которых сейчас реконструируется по преимуществу на основании аналогий с современными шимпанзе. В доистории, утверждают представители этого лагеря, вероятность принять смерть от рук себе подобных была намного выше, чем во все последующие эпохи. Их оппоненты, напротив, убеждены, что на ранних стадиях развития человечества война была явлением редким, а значительную роль она приобрела лишь в самом конце каменного века, когда появились земледелие и скотоводство (то есть в мезолите или неолите), а то и еще позже — в эпоху раннего металла и древнейших цивилизаций. Нередко сторонников первой точки зрения называют ястребами, а второй — голубями, подразумевая при этом, что те, кто настаивает на изначальности и биологической обусловленности войны, лишают человечество надежды когда-либо ее победить, а те, кто считает ее относительно поздним явлением, не укорененным в “природе” человека, напротив, такую надежду поддерживают.

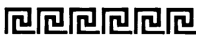
Можно, однако, посмотреть на это и иначе. Действительно, если правы “ястребы” и вся первобытность была временем непрекращающегося кровопролития, когда вероятность насильственной смерти намного превышала такую в последующие эпохи, тогда общая тенденция ведет от войны к миру, и у нас есть основания для оптимизма². Если же правы “голуби” и ранние стадии истории человечества по сравнению с эпохами более поздними были временем относительно мирным, то тогда получается, “чем дальше — тем хуже”, тем меньше у людей шансов на прочное мирное будущее. Впрочем, не стоит ломать голову, какая из двух позиций сулит нам более радужные перспективы. Нас интересует, как все было на самом деле. А степень близости теории к истине определяется тем, насколько полно и логично она объясняет имеющиеся факты. К ним мы и обратимся.

¹ В художественной форме эту идею выразил У. Голдинг. В самом известном его произведении — повести “Повелитель мух” — рассказывается о том, как группа мальчиков, оказавшись в результате авиакатастрофы в “естественном состоянии”, то есть вне опеки родителей и уз, накладываемых обществом, быстро подпала под власть внутреннего “зверя”, превратившего их в стаю жестоких насильников.

² Более того, как остроумно заметил американский политолог Дж. Гольдштейн, если бы причины войны целиком коренились в нашей биологии, то это было бы удачей для современного человечества. В этом случае можно было бы найти гормон или нейромедиатор, блокирующий воинственность, и подмешать его в водопроводную воду: “Мир быстрого приготовления: просто добавь воды!” [19, р. 131].

ОТКУДА И КУДА

О частоте, характере и самом существовании войны в бесписьменные эпохи приходится судить почти исключительно по этнографическим и археологическим материалам. До недавнего времени ведущую роль здесь играли первые³. Этнографические данные были получены в результате наблюдений за жизнью сообществ, сохранивших или еще недавно сохранявших определяющие черты первобытного уклада: хозяйство натурального типа, относительное социальное равенство, отсутствие аппарата власти и иных примет цивилизации (письменность, деньги и т.д.). Гораздо более богатые, “живые” и потому более наглядные и, казалось бы, понятные, чем материалы ископаемые, они служат не только главным, но часто и единственным источником информации о войне в первобытности. Вполне естественно, что едва ли не все попытки объяснить происхождение данного явления и оценить его динамику во времени и роль в развитии культуры были основаны преимущественно или даже целиком на анализе этнографических материалов.

Согласно оценкам этнографов, в среднем около 15% членов первобытных сообществ современности и недавнего прошлого гибли в результате убийства, а для мужчин этот показатель достигал 25% [17, р. 131]. При этом для оседлых или полuosедлых групп с производящим хозяйством, а также для охотников-собирателей, живших в относительно благодатных природных условиях с высокой степенью концентрации ресурсов (аборигены ряда районов Австралии, индейцы северо-западного побережья Северной Америки и др.), эти цифры часто еще выше. Есть, правда, данные о том, что у бродячих охотников-собирателей, обитающих в районах с разреженными ресурсами и низкой плотностью населения (бушмены Южной Африки, пигмеи Центральной Африки, пали Южной Индии, батеки Малайзии и др.), смерть в результате насилия представляет собой крайне (или относительно) редкое явление [2, с. 441–447; 6; 14; 16; 28; 33]. Однако в массе своей этнографические материалы свидетельствуют, что мир в первобытности был исключением, а война — правилом [18; 30]. Многочисленные описания жизни охотников-собирателей и примитивных земледельцев, оставленные профессиональными этнографами [12; 13], миссионерами и членами их семей [7], пленниками первобытных племен [3; 25; 31] и даже беглыми каторжниками, нашедшими в таких племенах спасение и прибежище [9], полны сценами частых и кровавых вооруженных конфликтов от мелких стычек до полномасштабных битв, вспыхивавших по малейшему поводу, а то и вовсе без повода (во всяком случае, без такого, который был бы понятен стороннему наблюдателю). В свете этих “свидетельских показаний”, принадлежащих непосредственным наблюдателям, а иногда и участникам событий, вердикт,

³ Обзор этих материалов на русском языке см. в [11, с. 72–121]. Данная книга, вышедшая свыше 20 лет назад, остается пока единственным обобщающим трудом по теме в отечественной литературе.

вынесенный Пинкером (“Гоббс был прав. Руссо был неправ”), может показаться неоспоримым.

Тем не менее, с конца прошлого столетия надежность такого рода “живых свидетельств” все чаще ставится под сомнение, а на первый план постепенно выходят ископаемые материалы, пусть и гораздо менее “красноречивые”, но зато оставленные обществами, которые еще не могли испытать воздействия цивилизации. По мнению сторонников такой смены ролей, этнографические данные о войнах в сообществах охотников-собирателей и примитивных земледельцев или скотоводов мало что дают для понимания характера войны “до истории” или в “доконтактное время” [21]. Дело в том, что ко времени первых наблюдений все эти сообщества, пусть и в разной степени, уже были затронуты прямым или опосредованным влиянием цивилизации, например в результате распространения товаров и болезней⁴. Поэтому, как пишет Б. Фергюсон, “по этнографическим описаниям, сделанным в последние пять столетий, нельзя судить об интенсивности войны в далеком прошлом; война как культурная практика существовала не всегда. <...> Возможно, у охотников на мамонтов были проблемы в отношениях между собой, возможно, неандертальцы с кроманьонцами в самом деле не ладили. Мы не знаем. Но... предпосылки, которые сделали войну вероятной, отсутствовали на протяжении большей части действительно древней истории человечества” [15, р. 469–470].

Кроме того, общества, изучение которых служит для нас “окном в первобытность”, очень неоднородны. Различаются они и в стадийном плане. Мало кто сомневается, что охотники-собиратели представляют собой исторически более ранний тип, чем даже самые примитивные земледельцы. Стадийная типология таких групп является необходимым условием любого теоретизирования относительно исторической динамики разных форм культуры и сфер человеческой деятельности. Однако это условие соблюдается далеко не всегда, и очень многие авторы, пишущие о вооруженном насилии в первобытности, используют этнографические данные либо выборочно, отсеивая факты, не вписывающиеся в их концепции, либо, наоборот, “скопом”, экстраполируя в прошлое, в каменный век, некий усредненный образ “первобытной войны”. Этим, в частности, грешат и упоминавшиеся выше книги Л. Кили и С. Пинкера.

Кроме того, нельзя не считаться с тем, что источниковедческий потенциал этнографии в данной области почти исчерпан — возможности для получения новых данных или для проверки старых становятся по понятным причинам все более и более ограниченными. Напротив, массив археологических и палеоантропологических фактов увеличивается сейчас едва ли не в геометрической прогрессии, и залежей их хватит еще на многие и многие поколения ученых. Вследствие этого, а также благодаря растущему размаху и постоянному методи-

⁴ Например, как явствует из недавно опубликованных воспоминаний американского этнографа Н. Шаньона, индейцы яномамо, по сей день служащие в общественном сознании олицетворением первобытной свирепости и воинственности (в немалой степени благодаря книгам самого же Шаньона), получали от миссионеров стальные мачете и даже огнестрельное оружие еще до того, как началось их научное изучение. Одним из первых “даров” цивилизации, полученных яномамо, стала также эпидемия кори [13].

ОТКУДА И КУДА

ческому совершенствованию археологических исследований, все большую роль в изучении первобытной войны в последние десятилетия играют ископаемые материалы.

От эпохи к эпохе

Основные ископаемые индикаторы существования войны в бесписьменный период можно разделить на шесть основных групп:

- человеческие кости со следами ран, нанесенных оружием;
- батальные сцены в искусстве;
- боевое оружие и доспехи;
- укрепления;
- массовые захоронения убитых;
- погребения воинов.

Ниже вкратце рассматриваются и обобщаются данные о древнейших археологических находках, относящихся к каждой из перечисленных категорий.

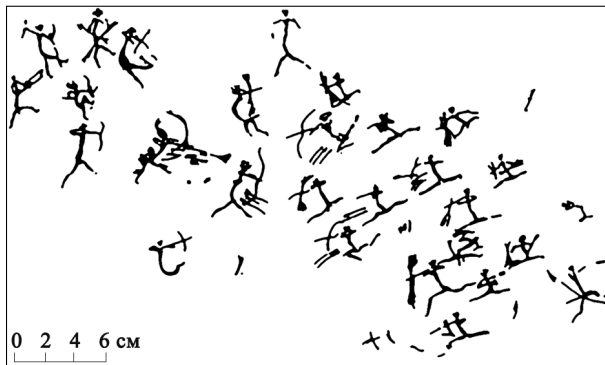
1. Скелетные останки людей, павших или получивших тяжелые раны от рук себе подобных, известны начиная с палеолита⁵. Правда, точно установить природу повреждений на черепках гоминид вида *Homo erectus*, живших сотни тысяч лет назад, в большинстве случаев пока невозможно, но некоторые пробоины и вмятины на костях неандертальцев и палеолитических *Homo sapiens* почти наверняка представляют собой следы ран, нанесенных колющими предметами. Например, паз на одном из ребер неандертальца из пещеры Шанидар в Ираке является, видимо, результатом проникающего ранения грудной клетки, а неандерталец из Сен-Сезер во Франции, судя по ране на его черепе, погиб от удара копьем в голову. От удара копьем или ножом, но не в голову, а в шею, погиб, скорее всего, и мужчина, похороненный около 30 тыс. лет назад на стоянке Сунгирь под Владимиром [34]. В конце палеолита и в мезолите счет находок такого рода идет уже на десятки [35], а в неолите они исчисляются сотнями.

2. В неолите, примерно 7–8 тыс. лет назад, появляются и первые достоверные изображения битв, а также, видимо, казней. Особенно хорошо они представлены в наскальном искусстве испанского Леванта. Возможно, несколько более древний — около 10 тыс. лет — возраст имеют рисунки сражающихся людей из северной Австралии [32], но их датировка еще нуждается в подтверждении. Что касается палеолитического искусства, то сцен вооруженных схваток в нем неизвестно, а абсолютно все сцены, в которых те или иные авторы усматривают изображения пораженных копьями или стрелами людей, с легкостью допускают и иные интерпретации. Американский археозоолог Р. Гатри обратил внимание на отсутствие среди изображавшихся палеолитическими художниками предметов щитов, которые широко представлены в наскальном искусстве

⁵ См., напр. [4, с. 313–318].

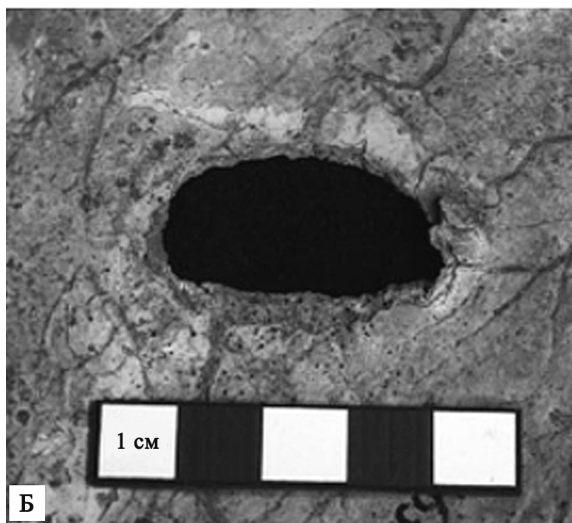
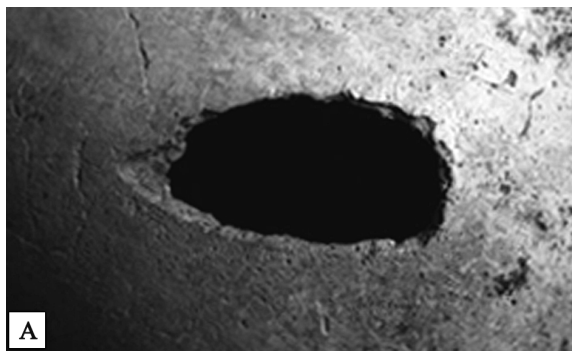
более поздних эпох (в том числе в рисунках бушменов Южной Африки, аборигенов Австралии и американских индейцев). Он придает этому большое значение и, видимо, не напрасно. “Учитывая преобладание тестостероновой тематики в палеолитическом искусстве, — пишет Гатри, — мы можем быть уверены, что если бы у людей этой эпохи были щиты, то, скорее всего, были бы и их изображения. Но их нет.

Одна из древнейших несомненных батальных сцен. Неолитическое наскальное искусство испанского Леванта

Почему? Наиболее экономичное объяснение состоит в том, что их отсутствие в искусстве отражает отсутствие самих этих предметов в палеолитической жизни. Если смертоносное насилие имело место в основном на индивидуальном уровне внутри групп и притом, возможно, редко, то щит был бесполезен, а ношение его слишком обременительно” [20, р. 422].

3. Щит — это, несомненно, боевое вооружение, пусть и защитное. Самые древние археологические находки фрагментов щитов и других воинских доспехов относятся к позднему неолиту. Находки ударного и метательного оружия — копий, наконечников стрел и дротиков — известны для гораздо более древних эпох, начиная с нижнего палеолита (деревянные копья из Шенингена в Германии), но эти вещи, в отличие от щитов, могли служить преимущественно для охоты. Их боевое использование не исключено, но недоказуемо. Что же касается предметов специализированного боевого вооружения, то их археология палеолита пока не знает. Булава, появляющаяся в мезолите и получающая широкое распространение в раннем неолите, несомненно, предназначена для человекоубийства, но, судя по размерам втулок, рукоятки большинства древнейших булав были весьма тонкими (1–2 см в диаметре), что делало использование этих орудий в бою практически невозможным или, по крайней мере, неэффективным. Скорее, они служили для добивания раненых и плененных врагов, либо для ритуальных казней. Каменные “боевые топоры”, получившие широкое распространение в неолите, вопреки своему названию вполне могли использоваться не только и даже не столько для сражений, сколько как рабочий инструмент. Еще один вид неолитического оружия — праща. Каменные и глиняные снаряды для пращей найдены среди многих памятников средиземноморской области. По-видимому, их употребляли и для охоты, и для управления стадами (что зафиксировано этнографически), но иногда военное применение этих орудий несомненно, например в тех случаях, когда их находят в большом количестве непосредственно у оборонительных стен древних поселений, подвергшихся нападению. Меч — древнейшее

Правая теменная кость неолитической женщины из Луттры в Швеции, пробитая ударом топора: А — вид снаружи, Б — вид изнутри

специализированное воинское оружие, использование которого в мирных целях невозможно представить — появляется, судя по всему, лишь в эпоху металла — в бронзовом веке, когда появляются также и боевые колесницы с конями, и регулярные армии, спаянные суровой дисциплиной.

4. Сооружения в виде сложенных из камня стен, земляных валов и рвов впервые надежно фиксируются на поселениях эпохи неолита. Однако их функциональная интерпретация очень часто является предметом разногласий, поскольку они могли служить не только для обороны от врагов, но и для иных целей (защита от наводнений, ограда для животных, символическое обозначение границ сообщества или сакрального центра). Самый известный пример тому — стены древнего Иерихона, оборонительное назначение которых многие исследователи считают недоказанным. Однако в ряде случаев оборонительный характер стен и рвов на неолитических поселениях совершенно очевиден благодаря либо их конст-

руктивным особенностям (выдвинутые вперед от стен бастионы, укрепленные ворота и т.д.), либо особенностям археологического контекста (концентрация большого количества наконечников стрел вдоль стен, скелеты со следами смертельных ран во рвах и т.д.). Для предшествующих эпох ничего подобного не известно, хотя не исключено, что обитатели отдельных крупных мезолитических или даже позднепалеолитических стоянок тоже иногда огораживали их — например, палисадами из кольев (как это делают упоминавшиеся выше яномамо и не только они).

5. Массовые захоронения людей, умерших насильственной смертью, появляются в финальном палеолите или мезолите, начиная с рубежа около 15 тыс. лет назад. В неолите (восемь тысяч лет назад и позже) их количество заметно увеличивается. Они были найдены и в Европе, и в Азии, и в Африке, и в Америке. Иногда это настоящие кладбища, где убитых хоронили их соплеменники с соблюдением должных ритуалов, иногда общие могилы во рвах или наспех вырытых ямах, куда победители бросали в беспорядке тела побежденных (костики перемешаны, признаков погребального обряда нет), а иногда просто

Каменные “боевые топоры” культуры шнуровой керамики из погребения в Эйлау, Германия

скопления скелетных останков людей, погребенных непосредственно на месте их гибели силами природы.

Самым древним среди известных сейчас памятников рассматриваемой группы является могильник в Джебел Сахаба. Он расположен на левобережье Нила в Судане, а древность его оценивается в 12–14 тыс. лет. Почти половина из 59 найденных здесь человеческих костяков имеет явные признаки насильственной смерти. Немного более поздний возраст, около 10–12 тыс. лет, имеют останки 28 человек, найденные в 2012 году на местонахождении Мугурук у озера Туркана в Кении. Эти люди (мужчины, женщины, дети) были убиты врагами на берегу бывшей здесь некогда лагуны. Тела бросили на месте гибели: ориентация и положение костяков хаотичные, нет ни признаков могил, ни иных следов погребений [24]. На неолитическом поселении Шлетц в Австрии, а точнее в окружающем его рве были найдены скелетные останки как минимум 67 человек. Все они, судя по следам ран на черепах, приняли насильственную смерть. На костях зафиксированы также многочисленные следы погрызов от зубов животных. Это означает, что тела убитых довольно долго оставались непогребенными. Когда же их, наконец, предали земле, то совершено это было без соблюдения какого-либо ритуала, на скорую руку чужаками или по приказу чужаков: трупы и отдельные их части просто побросали в ров и засыпали. Массовые захоронения такого рода, свидетельствующие о насильственной смерти множества людей, если не о полном уничтожении одних групп другими, представлены и на ряде других неолитических памятников (Меневиль во Франции, Тальхайм в Германии, Домузтепе в Турции и т.д.), тогда как для палеолита, исключая самый финал этой эпохи, они пока неизвестны.

6. Могилы воинов отличаются, прежде всего, составом погребального инвентаря (доспехи, оружие, иные предметы, указывающие на занятие и статус покойного). Они появляются на рубеже каменного века и эпохи металлов, то есть в конце неолита и в энеолите (медный век), около пяти тысяч лет назад.

ОТКУДА И КУДА

Примерно к этому же времени относятся и первые, четко идентифицируемые изображения воинов (с соответствующей их занятию атрибутикой) на каменных стелах. Очень интересное воинское погребение, относящееся к неолитической Ымыяхтахской культуре, было не так давно найдено в местности Кёрдоген в Якутии. Вместе с телом похороненного здесь мужчины в могилу были положены его лук (сохранились фрагменты костяных накладок), каменный топор, костяные и кремневые наконечники стрел, а также щит и доспех (панцирь) из сотен костяных и роговых пластин, многие из которых несут следы пробоин, оставленных неприятельским оружием [1].

Таблица 1

Археологические индикаторы войны от эпохи к эпохе
 (“+” — наличие, “-” — отсутствие, “?” — не очевидно)

	Следы ран, нанесенных оружием	Батальные сцены в искусстве	Специализированное боевое оружие и доспехи	Укрепления	Массовые захоронения убитых	Погребения воинов
Ранее 15 тыс. лет назад (палеолит)	+	-	-	-	-	-
15–8 тыс. лет назад (конец палеолита и мезолит)	+	-	?	-	+	-
8–5 тыс. лет назад (неолит)	+	+	+	+	+	+

Таблица 1, суммирующая имеющиеся сейчас сведения о времени появления основных археологических индикаторов войны, свидетельствует, что коренной перелом в ее характере, масштабах и интенсивности произошел или, точнее сказать, начался в неолите. Это, разумеется, не означает, что до неолита и связанных с этой эпохой социально-экономических перемен (важнейшей из которых был переход от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству) люди не воевали друг с другом, но роль войны в жизни общества, видимо, была далеко не столь всеохватывающей и всепроникающей. На то же указывает и еще один, до сих пор здесь специально не упоминавшийся вид археологических данных, который позволяет уловить или, по крайней мере, гипотетически наметить и более ранний, донеолитический сдвиг в исторической динамике вооруженного насилия.

Острия в костях

Среди костей со следами ран выделяется особая категория находок, для которых связь с вооруженным насилием наиболее очевидна. Речь идет о костях с застрявшими в них обломками каменных или сделанных из органических материалов наконечников и лезвий. Если вмятина на черепе или, скажем, перелом ключицы могут быть следствием бытовых травм, то вон-

звившееся в тот же череп кремневое острие трудно интерпретировать иначе как результат боевого столкновения (находки такого рода слишком многочисленны, чтобы можно было списать их все на случайные ранения на охоте).

В таблице 2 сведена имеющаяся в научной литературе количественная информация о находках на палеолитических и мезолитических памятниках Старого света костей людей и животных с вонзившимися в них фрагментами наконечников. Здесь обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, — полное отсутствие человеческих костей с вонзившимися в них наконечниками в период ранее 15 тыс. лет назад при относительной многочисленности таких костей животных (как минимум 11 костей 11 особей с 10 памятников западной и восточной Европы, западной Азии и Сибири). Во-вторых, — резкое изменение количественного соотношения двух групп находок в период после 15 тыс. лет назад, то есть в конце позднего палеолита и в мезолите: 32 кости 30 индивидов с 20 памятников против 66 костей (32 из них с одного памятника) 20 с лишним особей с 23 памятников.

Таблица 2

Количество находок костей людей и животных с вонзившимися в них каменными или костяными наконечниками (данные для палеолита и мезолита Старого света по состоянию на начало 2016 года приведены по [4] с дополнениями)

	Палеолит (ранее 15 тыс. лет назад)	Финальный палеолит и мезолит (15–8 тыс. лет назад)
Наконечники в костях людей	0	32
Наконечники в костях животных	11	66

Животные, в отличие от людей, были объектом постоянного промысла, и значительная часть их костей, находимых при раскопках, заведомо представляет собой остатки дичи, добытой с помощью стрел и дротиков, оснащенных каменными и костяными наконечниками. Тем не менее, мы видим, что начиная с финала палеолита, обломки таких наконечников в человеческих костях встречаются не реже, чем в костях оленей, зубров

Грудной позвонок позднелитического человека из пещеры Кебара в Израиле с застрявшим в нем обломком каменного наконечника

ОТКУДА И КУДА

и кабанов. Получается, что люди вдруг стали “охотиться” на себе подобных почти так же часто, как на животных! Конечно, в какой-то мере столь странная картина может объясняться тем, что антропологические материалы изучаются обычно гораздо тщательнее, чем фаунистические. Часть засевших в костях животных обломков оружия наверняка осталась незамеченной (особенно в коллекциях из старых раскопок). Однако крайне маловероятно, что дело лишь в этом. Ведь общее количество раскопанных на палеолитических и мезолитических стоянках костей животных на несколько порядков превышает количество костей человеческих — в первом случае счет идет на десятки миллионов, во втором — всего лишь на тысячи.

Конечно, данных пока немного, и будущие находки могут существенным образом изменить наблюдаемую сейчас картину. И все же рискну предположить, что отмеченное изменение относительной частоты костей людей и животных с вонзившимися в них фрагментами наконечников не случайно. Оно может отражать учащение вооруженных конфликтов и/или изменение их формы, начиная с финала позднего палеолита.

К концу палеолита ойкумена приобрела в основном свои нынешние границы. Это значит, что на нашей планете в то время уже практически не оставалось сколько-нибудь обширных территорий, благоприятных для жизни, но не заселенных при этом людьми. Если прежде низкая плотность населения и высокая мобильность, позволявшие людям разойтись в разные стороны при первых признаках недовольства друг другом и роста напряженности во взаимоотношениях, снижали вероятность прямой конфронтации и кровопролитных столкновений не только между разными группами, но и внутри каждого сообщества, то теперь во многих регионах ситуация изменилась. Чем выше плотность населения и оседлость, чем больше люди связаны с конкретной территорией и вынуждены жить в одном месте, тем меньше у них возможностей для предупреждения конфликтов или ненасильственного их разрешения. Кроме того, при оседлом или частично оседлом образе жизни значительно возрастают вложения труда, времени и энергии в хозяйственное освоение земли и устройство поселений, — оборудование ловушек для животных, запруд, долговременных жилищ, хранилищ, печей, и т.д. Недвижимость такого рода, с одной стороны, может быть весьма притягательна для соседей, а с другой — в отличие от временных лагерей мобильных охотников-собирателей — ее нелегко бросить и имеет смысл защищать.

Рост численности и плотности населения, с одной стороны, и укрепление уз, связывающих людей с определенной территорией, — с другой, неизбежно вели как к укрупнению и сегментации человеческих сообществ, усложнению их внутренней структуры, так и к усложнению взаимоотношений между разными группами и внутри групп. Конфликты должны были в таких условиях участиться и приобрести более жесткий

и масштабный характер. Если у мобильных охотников-собира-
телей нижнего, среднего и начала верхнего палеолита они
в большинстве случаев сводились к кратковременным стычкам
или нападениям на одиночек, не грозящим агрессору серьез-
ным ущербом, то в конце палеолита и в последующие эпохи,
по мере увеличения степени оседлости человеческих обществ
и их привязанности к “земле предков”, вооруженные столкно-
вения повсеместно становились все более массовыми, организо-
ванными и кровопролитными. Именно эту тенденцию, а точнее
тот сдвиг в отношениях между людьми, который дал ей начало,
возможно и отражают цифры, приведенные в таблице 2.

* * *

Начиная с самых ранних стадий истории человечества
у людей всегда имелись под рукой орудия, которые при жела-
нии и необходимости легко было превратить в оружие и ис-
пользовать против себе подобных. Вмятины и пробоины на не-
которых черепаха ранних гоминид позволяют предполагать, что
время от времени такое желание и такая необходимость у них
действительно возникали, но насколько часто это происходило
и к каким последствиям приводило — мы не знаем. Хотя во-
оруженное насилие в той или иной форме существовало, види-
мо, всегда, археологические материалы, могущие служить в ка-
честве индикаторов существования войны, появляются лишь
в конце каменного века. Имеющиеся сейчас данные позволяют
наметить два сдвига в исторической динамике вооруженного
насилия в эту эпоху. Первый имел место в самом конце палео-
лита и в мезолите, а второй — в позднем неолите, на рубеже
каменного века и эпохи раннего металла. В это время в культу-
ре — и материальной, и духовной — явно стали выделяться
сферы, ориентированные на обслуживание войны.

Литература

1. Алексеев А.Н., Жирков Э.К., Степанов А.Д., Шарборин А.К., Алексе-
ева Л.Л. Погребение ымыяхтахского воина в местности Кёрдюген // Ар-
хеология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 2. С. 45–52.
2. Артемова О.Ю. Колено Исава: Охотники, собиратели, рыболовы
(опыт изучения альтернативных социальных систем). М.: Смысл, 2009.
3. Биокка Э. Яноама. М.: Мысль, 1972.
4. Вишняцкий Л.Б. Вооруженное насилие в палеолите // *Stratum plus*.
2014. № 1. С. 311–332.
5. Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001.
6. Казанков А.А. Агрессия в архаических обществах (на примере охот-
ников-собираателей полупустынь). М.: Институт Африки РАН, 2002.
7. Кюглер С. Ребенок джунглей. М.: Мой мир, 2006.
8. Монтескье Ш. Избр. произведения. М.: Госполитиздат, 1955.
9. Морган Дж. Австралийский Робинзон. М.: Наука, 1966.
10. Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М.: РОССПЭН,
2000.

11. Шнирельман В.А. У истоков войны и мира // Война и мир в ранней истории человечества. Т. 1. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994. С. 9–176.
12. Chagnon N.A. Yanomamö: The Fierce People. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1968.
13. Chagnon N.A. Noble Savages. My Life Among Two Dangerous Tribes — the Yanomamo and the Anthropologists. N.Y.: Simon & Schuster, 2014..
14. Endicott K. Peaceful foragers: The significance of the Batek and Moriori for the question of innate human violence // Fry D. (ed.). War, Peace, and Human Nature: The Convergence of Evolutionary and Cultural Views. Oxf. & N.Y.: Oxford University Press, 2013. P. 243–261.
15. Ferguson R.B. Archaeology, cultural anthropology and the origins and intensification of war // E.N. Arkush & M.W. Allen (eds.). The Archaeology of Warfare. Prehistories of Raiding and Conquest. Gainesville etc.: University Press of Florida, 2006. P. 469–523.
16. Gardner P.M. South Indian foragers' conflict management in comparative perspective // War, Peace, and Human Nature: The Convergence of Evolutionary and Cultural Views. Oxf. & N.Y.: Oxford University Press, 2013. P. 297–314.
17. Gat A. War in Human Civilization. N.Y. & Oxf.: Oxford University Press, 2006.
18. Gat A. Proving communal warfare among hunter-gatherers: the quasi-Rousseauan error // Evolutionary Anthropology. 2015. Vol. 24. P. 111–126.
19. Goldstein J. War and Gender. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
20. Guthrie R.D. The Nature of Paleolithic Art. Chicago: The University of Chicago Press, 2005.
21. Haas J., Piscitelli M. The prehistory of warfare: misled by ethnography // War, Peace, and Human Nature: The Convergence of Evolutionary and Cultural Views. Ed. by D.Fry Oxf. & N.Y.: Oxford University Press, 2013. P. 168–190.
22. Huxley T. Essays Ethical and Political. L., 1903.
23. Keeley L. War Before Civilization. N.Y. & Oxf.: Oxford University Press, 1996.
24. Lahr M. et al. Inter-group violence among early Holocene hunter-gatherers of West Turkana, Kenya // Nature. 2016. Vol. 529. P. 394–398.
25. Lee N. Three years among the Comanches // F. Drimmer (ed.). Captured by the Indians. 15 Firsthand Accounts, 1750–1870. N.Y.: Dover Publications, 1961. P. 277–313.
26. Mead M. Warfare is only an invention, not a biological necessity // Asia. 1940. Vol. 15. P. 402–405.
27. Perry W.J. The Children of the Sun. A Study in the Early History of Civilization. L.: Methuen and Company, 1923.
28. Pim J.E. (ed.). Nonkilling Societies. Honolulu: Center for Global Nonkilling, 2010.
29. Pinker S. The Blank Slate: The Modern Denial of Human Nature. L.: Penguin Books, 2003.
30. Pinker S. The Better Angels of Our Nature. L.: Penguin Books, 2011.
31. Staden H. The True History of His Captivity. Transl. from German. L. & N.Y.: Taylor and Francis, 2005 [1557].
32. Tazon P., Chippindale C. Australia's ancient warriors: changing depictions of fighting in the rock art of Arnhem Land, N.T. // Cambridge Archaeological Journal. 1994. Vol. 4. P. 211–248.
33. Thomas E.M. The Harmless People. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1958.
34. Trinkaus E., Buzhilova A.P. The death and burial of Sungir 1 // International Journal of Osteoarchaeology. 2012. Vol. 22. P. 655–666.
35. Vencl S. Interprétation des blessures causées par les armes au Mésolithique // L'Anthropologie. 1991. Vol. 95. P. 219–228.